

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В статье рассмотрена история создания и содержание проекта программы партии социалистов-революционеров. В 1906 г. проект с несущественными изменениями был утвержден I съездом в качестве партийной программы. После октябрьских событий 1917 г. большевики в тактических целях «заимствовали» у эсеров программу социализации земли.

Ключевые слова: концепция, проект программы, доктрина, народничество, марксизм, «программа-максимум», «программа-минимум», социализация земли.

В истории программы партии эсеров до последнего времени оставалось немало белых пятен. Н.И. Ракитников и В.М. Чернов принялись составлять ее сразу после образования партии. И уже летом 1902 г. российские организации эсеров знакомились с проектом программы, написанным Н.И. Ракитниковым в Саратове. Тем же летом за границей М.Р. Гоц, О.С. Минор, М.Ф. Селюк, С.Н. Слетов, Л.Э. Шишко, другие видные эсеры рассматривали проект программы, представленный В.М. Черновым [1. Л. 31–32]. В сентябре 1902 г. Н.И. Ракитников явился за границу, и эсеровская эмиграция принялась обсуждать оба проекта. В.М. Чернова активно поддерживали М.Р. Гоц и Л.Э. Шишко. Были сторонники и у Н.И. Ракитникова, который уверял, что большинство организаций в России одобрили его проект программы. В конце 1902 г. в дискуссию включился Г.А. Гершуни. Он, по словам В.М. Чернова, находил проект Н.И. Ракитникова неудовлетворительным и утверждал, что эсеры в России отнеслись к нему «без большого сочувствия». По словам же Н.И. Ракитникова, в частных беседах Г.А. Гершуни говорил, что теоретически он разделяет его концепцию, но «по соображениям практической агитации» поддерживает проект В.М. Чернова [2, с. 304–305]. В январе 1903 г. «страсти по проекту программы» завершились компромиссом. Составили «синкретический», по выражению В.М. Чернова, вариант, который в небольшом количестве экземпляров размножили на гектографе и с грифом «Не подлежит оглашению» отправили организациям и отдельным видным эсерам в России и в эмиграции. [3. Л. 1–7; 4, с. 266].

2 февраля 1910 г. на заседании судебно-следственной комиссии по делу Азефа В.М. Чернов озвучил следующую версию: Г.А. Гершуни, прибыв в Женеву и ознакомив его и М.Р. Гоца с проектом Н.И. Ракитникова, предложил им составить другой проект программы. Н.И. Ракитников же, уверял Чернов, появился позднее. Еще по одной версии, озвученной Черновым два десятилетия спустя, Г.А. Гершуни, М.Р. Гоц, О.С. Минор, Н.И. Ракитников «и многие другие» весной 1903 г. обсуждали два проекта программы. При этом Г.А. Гершуни и М.Р. Гоц поддерживали разработку Чернова [2, с. 305; 5, с. 4]. Отмечу явные несоответствия этого повествования. Г.А. Гершуни незачем было знакомить эмигрантов с проектом

* © Леонов М.И., 2012

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Н.И. Ракитникова. К тому времени, когда он появился в Женеве, Ракитников уже три месяца находился там. Г.А. Гершуни, М.Р. Гоц, Н.И. Ракитников не могли заседать с В.М. Черновым, О.С. Минором и «многими другими» весной 1903 г., так как Гершуни выехал в Россию в феврале 1903 г. и до 1907 г. в Европе не появлялся. М.Р. Гоц с 7 марта 1903 г. сидел в итальянской тюрьме и возвратился в Женеву в июле этого года. Н.И. Ракитников вернулся в Россию в марте 1903 г. [6; 7. Л. 145–157, 208].

В.М. Чернов стремился создать впечатление, что он составил контрверзу раkitниковскому парвеню по настоянию двух самых авторитетных лидеров партии. Использованный эсерским идеологом прием проходит по разряду деонтического и эпистемического «аргумента к авторитету», который только в редких случаях считается достаточным основанием для принятия утверждения и, как отмечают все словари, свойственен авторитарному мышлению коллективистических обществ. В данном случае пришлось изложить эту историю столь обстоятельно, поскольку все исследователи придерживались и придерживаются черновской интерпретации событий.

Проект программы Н.И. Ракитникова, сочетая идеи и семантику «Манифеста Коммунистической партии» и «Программы Исполнительного Комитета “Народной воли”», содержал только программу «социально-революционного переворота», т. е. таких мер, «которые полностью ликвидируют эксплуатацию». Согласно нормативной социалистической лексике того времени, автор исключил из проекта «программу-минимум» В.М. Чернова, следовал народнической концепции в интерпретации В.П. Воронцова, Н.Ф. Данилевского, Н.К. Михайловского, Эрфуртской программе и бернштейнианской парадигме. Составленный им проект содержал и «программу-максимум», и «программу-минимум».

«Синкретический» «Проект» (7 листов большого размера гектографированного текста – чуть более половины печатного листа) семантически родственен Эрфуртской программе и структурирован так же, как типовая программа партий II Интернационала, в том числе и РСДРП. В этом проекте излагалось эссе доктрины эсеров, «программа-максимум» и «минимум» и промежуточная программа, в которой перечислялись «органические меры, подрывающие самые основы буржуазного общества и закладывающие краеугольные камни будущего строя»: демократизация политического общественного строя, национализация земли и передача ее в пользование товариществ, национализация капиталистически развитых отраслей промышленности и передача крупных предприятий в ведение рабочих ассоциаций и т. д.

5–6 августа (по новому стилю) 1903 г. на квартире В.М. Чернова в Женеве проект программы обсуждали видные эсеры В.Ф. Азеф, Р. Альперштейн, Б.Г. Билит (Биллит), Н.И. Блинов, Е.К. Брешко-Брешковская, М.Я. Гендельман, М.Р. Гоц, Е.О. Зеленский (Надеждин), С.Г. Клитчоглу, П. Ключинский, О.С. Минор, Пасманик, Н.И. Ракитников, М.Ш. Розенблюм, И.А. Рубанович, В.М. Чернов, Я.Л. Юделевский. Три дня спустя, 8 и 9 августа 1903 г., прения продолжились на I съезде Заграничной организации. Критики, преимущественно представители старшего поколения, Е.Е. Лазарев, А.Г. Левит (Левиди), Я.Л. Юделевский объявили проект программы неудовлетворительным, потому что он основывается на марксистской доктрине, «которую не разделяет большинство организаций», а критерии классовой стратификации заимствованы из марксизма. Они настаивали на необходимости подчеркнуть социальное родство пролетариата и крестьянства, «программу-минимум» считали не нужной, так же как программу социализации земли. Критики предложили выработать директивы составления партийной программы и поручить специальной комиссии написать новый проект.

О.С. Минор, А.И. Рубанович, В.М. Чернов, Л.Э. Шишко, отбиваясь от критиков, предостерегали от изоляционизма, оперирования исключительно категориями русско-

го социализма прошлых лет. «Мы должны говорить языком междунаро[д] [ных социалистов]», — убеждал И.А. Рубанович. «Мы должны говорить на международном социал[истическом языке]», — вторил ему Л.Э. Шишко. В основании проекта программы, растолковывал В.М. Чернов, лежат «элементы научного социализма, составляющие часть доктрины марксизма», но не марксизм как экономический материализм. Атмосфера накалялась. Эмоциональный шатен И.А. Рубанович обвинил Я.Л. Юделевского в декадансе. И продолжил: если принять концепцию Юделевского, то «мы б[удем] выкинуты из междунаро[д]ного социалистического движения». По настоянию критиков были образованы комиссии меньшинства и большинства по программным дебатам. Каждая из них представила свои соображения о мировоззренческой основе программы, об отношении труда и капитала, об определении понятий «пролетариат» и «крестьянство», о критериях устойчивости трудового крестьянского хозяйства, о «программе-минимум», о социализации и национализации земли. Прийти к общему знаменателю съезду не удалось [8; 9. Л. 3–9; 10. Л. 72–73, 76].

Российские организации отнеслись к «Проекту программы» в общем благосклонно. Во время обсуждения в конце зимы — начале весны 1904 г. некоторые члены Московского комитета, указывая на «эклектизм» документа, предлагали обосновать положение о «едином рабочем классе», дать обстоятельный анализ всех основных социальных групп. Другие предлагали сократить программу, «сведя ее лишь к изложению общих принципов». За единственным исключением все сошлись на том, что проект с частными коррективами следует опубликовать [6; 11].

Н.П. Огановский свои возражения изложил на 21 листе. Его недовольство вызвало обоснование проекта, в котором, «как и у социал-демократов, буржуазия и капитализм уселись на программу и заволокли всю человеческую и неродную жизнь в России». Концепцию «положительных и отрицательных сторон капитализма» он назвал неясной и двусмысленной, возражал против признания творческой роли капитализма, социальной стратификации общества и констатации классовой борьбы. Н.П. Огановский назвал проект смутным, неясным, неопределенным и непоследовательным, плохо отредактированным, выбранное для публикации время — «страшно неблагоприятным», предупреждал, что будет «прямо протестовать по многим пунктам», предлагал отодвинуть публикацию проекта программы в неопределенное будущее и рисовал апокалипсические картины: «Произойдет страшное замешательство в партии», опубликованный проект «даст страшное оружие против партии» [12. Л. 1–21].

Редакция «Революционной России» из номера в номер помещала статьи, в которых популяризировалась модифицированная доктрина «русского социализма». В.М. Чернову, автору большинства публикаций, в меру сил содействовали М.Р. Гоц и Н.И. Ракитников. В конце 1903 г. сторонники Чернова спешно издали брошюру «По вопросам программы и тактики: сборник статей из «Революционной России»», в которую включили и три статьи, в газете не публиковавшиеся.

Время шло, но критики А.И. Рубанович и Н.С. Русанов, В.А. Мякотин и В.А. Пешехонов, Я.Л. Юделевский и Н.П. Огановский контрпроектов не присылали. И тогда редакция «Революционной России» «приняла экстренные меры». В.М. Чернов сформулировал новое кредо, которое и было опубликовано в № 46 «Революционной России» от 5 мая 1904 г. под заглавием: «Проект программы партии социалистов-революционеров, выработанный редакцией “Революционной России”». В примечании к публикации редакция сообщала, что она учла многочисленные отзывы, поправки, дополнения, и роль ее, по сути, свелась «к внешней обработке» первоначального проекта [13, с. 1–3]. Проект программы (чуть более 12 машинописных страниц) не уместился на трех полосах газеты. Для сравнения: объем «синкретического» проекта превышал 13

машинописных страниц, объем программы партии социалистов-революционеров, утвержденной в январе 1906 г. I съездом, составлял около 11,5 машинописных страниц, а объем программы РСДРП, принятой II съездом, — около 9 машинописных страниц.

В первой части редакционного проекта программы излагались социальные представления, во второй перечислялись реформы, которые партия эсеров намеревалась «отстаивать» в то время, когда «процесс преобразования России будет идти под руководством несоциалистических сил». В новой редакции партийного воззвания отсутствовала «промежуточная программа» «синкретического проекта». Структурно проект 1904 г. еще более приблизился к образцу — Эрфуртской программе, программам партий II Интернационала. Начинаясь с констатации все более и более усиливающейся связи России с «передовыми странами цивилизованного мира». В России, подчеркивалось в проекте, капитализм максимально проявлял «отрицательные», «темные» стороны. Прокламиралось обострение противоречий между «самым реакционным классом крупных помещиков и торговцев» России, классами эксплуататоров, с одной стороны, и пролетариатом, трудовым крестьянством, трудовой интеллигенцией — с другой.

«Программа-максимум» формулировалась так: «...социально-революционный переворот, программой которого являются: освобождение всех общественных учреждений из-под власти эксплуатирующих классов; уничтожение, вместе с частной собственностью на естественные силы природы и общественные силы производства, самого деления общества на классы; уничтожение современного классового, принудительно-репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т. е. планомерной организации труда на всеобщую пользу. Осуществление полностью программы, то есть экспроприации капиталистической собственности и реорганизации производства и всего общественного строя на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социально-революционную партию, и, в случае надобности, установление его временной революционной диктатуры». Положение о диктатуре было свойственно программам радикальных российских социалистических партий. В программе РСДРП речь шла о диктатуре пролетариата, в проекте программы эсеров — о диктатуре «рабочего класса» в составе пролетариата, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции.

Структура «программы-минимум» осталась прежней. В первый раздел были включены требования демократической республики, права наций на самоопределение; прямого, тайного, равного, всеобщего права голосования, прямого народного законодательства, свободы совести, слова, печати, рабочих стачек и союзов; отделения церкви от государства; обязательного светского образования; замены постоянной армии народным ополчением. Как и все российские партии, эсеры на первый план выставляли политические и правовые преобразования, перечень которых в программах социалистических партий был идентичен.

Второй раздел составляли, согласно социалистической терминологии, рабочая, аграрная, финансовая и муниципальная программы. Рабочие программы эсеров и партий II Интернационала формулировались, в принципе, идентично: 8-часовой рабочий день и минимум заработной платы, государственное страхование, законодательно обоснованная охрана труда и профессиональная организация рабочих. Аграрная программа эсеров, программа социализации земли, прокламировала ликвидацию частной собственности на землю и национализацию ее, переход земли во владение общин и территориальных союзов на началах поровнительного пользования. Согласно русской и европейской социалистической традиции, в проекте подчеркивалось намерение добиваться созыва Земского собора (Учредительного собрания).

Появление проекта программы ажиотажа не вызвало. Едва ли рядовые члены партии дотошно его изучали. Публикация в «Революционной России» уже сама по себе была для них санкцией авторитета. Интеллигенты-эсеры проект, надо думать, читали, но в детали социологических построений не вдавались. По крайней мере, свидетельств на этот счет нет. Партийные функционеры в большинстве приняли проект, хотя многие были против членения его на максимум и минимум [10. Л. 25–28; 14. Л. 83–85, 138; 15. Л. 22]. За границей, в первую очередь в Женеве, не утихали словесные баталии. Весной 1904 г. страсти начали пережелезничать через край. В июле 1904 г. О.С. Минор не смог закончить серию рефератов в Париже. Заведующий заграничной агентурой Л.А. Ратаев, наблюдатель внимательный, тонко чувствующий нюансы, замечал: «Слушая прения, казалось, что между референтом и оппонентами не широкий обмен мнений по второстепенным вопросам, а коренной принципиальный спор между представителями двух враждебных фракций» [16. Л. 130].

Напряжение достигло максимума на II съезде Заграничной организации. С первых же заседаний заявила о себе группа «меньшинства» (11 человек): они требовали отречься от марксизма и исключить «программу-минимум». Споры были настолько страстными, что к первому перерыву многие участники съезда уже не раскланивались между собой и не разговаривали. Казалось, неминуем раскол. Ситуация разрешилась привходящими обстоятельствами. Поздним вечером 28 июля (15 июля по старому стилю) съезд получил известие об убийстве В.К. Плеве. Заседания прекратили. Раскол не состоялся. Но не состоялось и обсуждение редакционного проекта программы. Обещания лидеров партии продолжить съезд в сентябре остались невыполненными [1. Л. 57–63, 128–134; 10. Л. 53, 72–73].

Вскоре после II съезда Заграничной организации в «Революционной России» был открыт «Дискуссионный отдел». До осени 1904 г. никто полемических материалов не присылал [17. Л. 36]. Затем Я.Л. Юделевский представил три многостраничных статьи. Других развернутых критических отзывов, по уверению редакции газеты, не поступило. Я.Л. Юделевский протестовал против «решительного влияния доктрины Маркса», теорий классов и классовой борьбы, концепции «положительных и отрицательных сторон капитализма» [18; 19; 20]. На первые две его статьи ответили В.М. Чернов и Л.Э. Шишко. На третью статью, опубликованную осенью 1905 г., реакции не последовало. Другие хлопоты занимали редакцию, да и оппонент в августе 1905 г. отбыл в Аргентину и вернулся только в 1907 г.

В январе 1906 г. I съезд партии эсеров утвердил с несущественными поправками редакционный проект в качестве партийной программы. В 1905–1907, в 1917 и в последующие годы значительные слои населения солидаризировались с конкретными положениями этой программы, в первую очередь аграрной. После октябрьских событий 1917 г. большевики в тактических целях «заимствовали» у эсеров их программу социализации земли.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128.
2. Из показаний В.М. Чернова судебно-следственной комиссии по делу Азефа. 2 февраля 1910 г. // Новый журнал. Кн. 100. Нью-Йорк, 1970.
3. Проект (не подлежит оглашению) // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 1550. Вложение 2 г.
4. Н.М. (Ракитников Н.М.) Социализация земли и наша программа-минимум // Социалист-революционер. 1911. № 3.

5. Чернов В.М. Проект новой партийной программы // Революционная Россия. 1924. № 33/34.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 673. Оп. 1. Д. 567.
7. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Лит. А.
8. Материалы первого съезда З.О.П.С.Р. Август 1903 г. // РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 199.
9. Черновики протоколов заседаний съездов Заграничной организации партии социалистов-революционеров в августе 1903 и июле 1904 г. и II Совета партии // ГАРФ. Ф.5805. Оп. 2. Д.113.
10. ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 127.
11. РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 189.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2147. Оп. 1. Д. 15.
13. Проект программы партии социалистов-революционеров, выработанный редакцией «Революционной России» // Революционная Россия. 1904. № 46.
14. ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130.
15. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905 г. Д. 80 Ч. 13.
16. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1904 г. Д. 1. Ч. 1. Т. 2.
17. ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 156.
18. Комов А. (Юделевский Я.Л.) Наши задачи и их формулировка (замечания на проект программы партии социалистов-революционеров) // Революционная Россия. 1904. № 53. Приложение к № 53.
19. Комов А. (Юделевский Я.Л.) Наши задачи и их формулировка (замечания на проект программы партии социалистов-революционеров) // Революционная Россия. 1905. № 67. Приложение к № 67.
20. Комов А. (Юделевский Я.Л.) Наши задачи и их формулировка (замечания на проект программы партии социалистов-революционеров) // Революционная Россия. 1905. № 75. Приложение к № 75.

*M.I. Leonov**

DRAFT PROGRAM OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY PARTY

The paper discusses the history of preparation and main points of Socialist-Revolutionary party draft program. At 1906, the first party congress approved this draft program with some corrections as the party program. After October 1917, Bolsheviks for tactical reasons «adopted» the program of land socialization, created by Social-Revolutionary party.

Key words: conception, draft program, doctrine, populism, Marxism, maximum program, minimum program, land socialization.

* *Leonov Mihail Ivanovich* (mleonov40@gmail.com), the Dept of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.